

Виденье робкое любви, постой!
Стой, призрак ускользающего рая,
из-за кого, от счастья умирая,
я в горести путь продолжаю свой¹.

Сестра Хуана Инес де ла Крус

---

¹ Перевод И. Чежеговой. В испанском тексте Альенде заменяет «блаженство» («bien») на «любовь» («amor»). Хуана Инес де ла Крус (1651–1695) — мексиканская поэтесса. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ЛАРК-ХАУС

Ирина Башили попала в Ларк-Хаус, неподалеку от Беркли, в 2010 году. Ей исполнилось двадцать три года, и у нее почти не осталось иллюзий: девушка перескакивала с работы на работу, из города в город с пятнадцати лет. Она не могла представить, что замечательно устроится в этом пансионе для людей преклонного возраста и что следующие три года проживет так же счастливо, как в детстве, еще до того, как жизнь ее пошла наперекосяк. Ларк-Хаус, основанный в середине 1990-х годов как достойное пристанище для небогатых стариков, сразу же, по неизвестным причинам, полюбился прогрессивным интеллектуалам, практикующим эзотерикам и художникам невысокого полета. Со временем пансион во многом переменился, однако все так же взимал с постояльцев плату сообразно их доходам — теоретически, чтобы поддерживать расовое и социальное разнообразие. На практике все постояльцы были белыми представителями среднего класса и разнообразие сводилось к незначительным различиям между вольнодумцами, искателями духовных путей, политическими и экологическими активистами, нигилистами и немногочисленными хиппи — из тех, что все еще жили в бухте Сан-Франциско.

На первом собеседовании Ганс Фогт, директор этой общины, объявил девушке, что она слишком молода для работы на ответственной должности, однако, поскольку возникла срочная необходимость заменить сотрудницу в отделе администрации и обслуживания, Ирина может временно исполнять эти обязанности, пока не появится достойная кандидатура. Ирина подумала, что могла бы сказать то же самое о самом директоре: это был толстощекий юнец, до времени плешивый, которому руководящая должность была определено велика. Со временем девушка поняла, что на расстоянии и при плохом освещении ее впечатление оказалось обманчивым: Гансу было сорок шесть лет и он превосходно справлялся с работой администратора. Ирина сразу заверила, что отсутствие образования в ее случае компенсируется опытом в обращении со стариками, полученным в Молдавии, ее родной стране.

Робкая улыбка соискательницы смягчила директора, он позабыл спросить у Ирины рекомендательное письмо и перешел к перечислению ее обязанностей. Их можно было определить совсем коротко: облегчать жизнь клиентам второго и третьего уровня. Клиенты первого уровня в компетенцию Ирины не входили: они жили как независимые обитатели многоквартирного дома; не следовало заниматься и четвертым уровнем с метким названием «Парадиз»: эти люди ждали перемещения на небеса, почти все время проводили в полусне и не нуждались в услугах, которые могла предоставить Ирина. В ее задачи входило сопровождать постояльцев на консультации к врачам, адвокатам и бухгалтерам, помогать с заполнением медицинских карт и налоговых деклараций, возить их за покупками и в другие места. Единственное, что будет связывать Ирину с людьми

ми из Парадиза, — это организация их похорон, и на этот счет она будет получать отдельные инструкции, предупредил Ганс Фогт, потому что желания умирающих не всегда совпадают с желаниями их родственников. В Ларк-Хаус распространены самые разные верования, и похороны зачастую превращаются в сложную экуменическую церемонию.

Фогт пояснил, что униформа обязательна только для уборщиков и медицинского персонала, но существует негласный дресс-код для всех сотрудников: в этом вопросе критерием выступает уважение и хороший вкус. Так, например, футболка с изображением Малкольма Икса¹ в этом заведении неуместна, напыщенно заявил он. На самом деле на ее футболке красовался не Малкольм Икс, а Че Гевара, однако Ирина не стала уточнять, поскольку предположила, что Ганс Фогт просто не слышал о команданте, которого полвека спустя после героической эпопеи продолжают почитать на Кубе и даже в Беркли — среди ее знакомых радикалов. Футболка обошлась ей в два доллара в палатке секонд-хенд, и была она почти новая.

— У нас запрещено курить, — предупредил директор.

— Я не курю и не пью, сэр.

— Здоровье у вас хорошее? Это важно при общении с пожилыми людьми.

— Хорошее.

— Есть ли что-нибудь еще, что я должен о вас знать?

---

¹ *Малкольм Икс* (1925–1965) — афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права человека. Когда он вышел из религиозной и националистической организации «Нация ислама», бывшие соратники его застрелили.

— У меня зависимость от видеоигр и от романов фэнтези. Толкин, Нил Гейман, Филип Пулман — ну вы поняли. И у меня есть другая работа — я мою собаку. Но это не отнимает много времени.

— Чем вы занимаетесь в свободное время — это ваше дело, мисс, но на работе вы отвлекаться не должны.

— Разумеется. Послушайте, сэръ, если вы дадите мне шанс, то увидите, как здорово у меня получается со стариками. Вы не пожалеете, — заверила Ирина с притворной убежденностью.

Сразу по окончании интервью директор показал Ирине здания средним возрастом в восемьдесят пять лет, в которых размещались двести пятьдесят человек. Ларк-Хаус изначально был роскошной усадьбой шоколадного магната, который передал его городу вместе с щедрой дотацией на финансирование. Комплекс состоял из главного здания — вычурного особняка, в котором размещалась администрация, а также залы для собраний, библиотека, столовая и художественные мастерские, и еще было несколько симпатичных домиков с черепичными крышами, гармонично смотревшихся на фоне парка — вид он имел дикий, но на самом деле за ним заботливо ухаживала команда садовников. Отдельные апартаменты и здания для постояльцев второго и третьего уровня соединялись между собой широкими крытыми коридорами, чтобы можно было ездить на креслах-каталках, невзирая на превратности климата, и имели стеклянные стены, чтобы наслаждаться природой — ведь это лучший бальзам от скорбей в любом возрасте. Парадиз, отдельно стоящее бетонное сооружение, смотрелся бы здесь нелепо, если бы не плющ, затянувший его сверху донизу. Библиотека и игровая

комната оставались открытыми в любое время; у салона красоты был гибкий график, а в студиях проводились разные занятия — от живописи до астрологии для тех, кому все еще не терпелось заглянуть в будущее. В Магазине забытых вещей (так было означено на вывеске) дамы-волонтерки продавали одежду, мебель, драгоценности и прочие сокровища, потерянные постояльцами или оставленные на этом свете покойниками.

— У нас замечательный киноклуб. Мы показываем фильмы в библиотеке три раза в неделю, — сообщил Ганс Фогт.

— Какие фильмы? — спросила Ирина в надежде, что это окажутся истории про вампиров и научная фантастика.

— Отбором занимается комитет, и там обычно склоняются к остросюжетным лентам. В большой чести Тарантино. Там, конечно, много насилия, однако оно не пугает: все понимают, что это вымысел, и актеры, целые и невредимые, потом появляются в других фильмах. Это, так сказать, отводной клапан. Многие наши постояльцы мечтают кого-нибудь убить — как правило, члена собственной семьи.

— Я тоже, — моментально отозвалась Ирина.

Ганс Фогт подумал, что девушка шутит, и дружески рассмеялся: он ставил чувство юмора своих сотрудников почти так же высоко, как и терпение.

В парке со старыми деревьями доверчиво шныряли белки; было там и несколько оленей. Ганс Фогт пояснил, что самки приходят сюда, рожают оленят и опекают до тех пор, пока они не научатся жить самостоятельно, а еще этот парк — рай земной для птиц, в особенности для жаворонков, от чего и происходит название «Ларк-Хаус», дом жаворонков. В страте-

гически важных точках расставлены видеокамеры, снимающие животных на природе, а попутно — и стариков на случай, если они потеряются или поранятся. Однако службы безопасности в Ларк-Хаус нет. Днем ворота в усадьбу открыты, караул несут только два невооруженных охранника. Это бывшие полицейские в возрасте семидесяти и семидесяти четырех лет; а больше и не нужно, ведь никакой злоумышленник не станет тратить время на грабеж стариков без средств к существованию.

По дороге им встретились две женщины в креслах-каталках, группа живописцев с мольбертами и этюдниками, а еще несколько убогих собаководов с такими же убогими питомцами. Угодья доходили до самой бухты, и во время прилива можно было выйти в море на каяке, как поступали те постояльцы, которых еще не доконали недуги. «А мне такая жизнь нравится», — подумала Ирина, с удовольствием глотая сладкий аромат сосен и лавров, сравнивая здешние домики с мерзкими лачугами, по которым она скиталась с пятнадцати лет.

— И наконец, мисс Басили, я должен упомянуть про два привидения — ведь наши гаитянские сотрудники все равно вам расскажут о них первым делом.

— Я не верю в привидения, мистер Фогт.

— Поздравляю. Я тоже. В Ларк-Хаус они представлены женщиной в платье из розового тюля и мальчиком лет трех. Это Эмили, дочь шоколадного магната. Бедная Эмили умерла от горя, когда ее сын утонул в бассейне, в конце сороковых годов. После этих событий магнат отказался от усадьбы и основал наш фонд.

— Мальчик утонул в том бассейне, который вы мне только что показывали?

— В том самом. И с тех пор, насколько мне известно, там больше никто не погибал.

Ирине вскоре предстояло пересмотреть свое мнение насчет привидений. Она убедилась, что многие старики постоянно находятся в компании своих мертвецов; Эмили с сыном были не единственными духами, проживавшими в Ларк-Хаус.

На следующий день Ирина явилась на работу с утра пораньше, в своих лучших джинсах и приличного вида футболке. Атмосфера в Ларк-Хаус была вольная, но не бесшабашная; это место больше напоминало университетский колледж, нежели приют для стариков. Еда была такая же, как в любом достойном калифорнийском ресторане: органическая в меру возможности. Персонал был работающий, санитары и медсестры — любезны настолько, насколько того можно было ожидать. Через несколько дней девушка уже знала имена и странности своих коллег и вверенных ей постояльцев. Ирина без труда запоминала фразы на испанском и французском и тем завоевывала уважение obsługi, представленной почти исключительно выходцами из Мексики, Гватемалы и Гаити. Зарплата для такой работы была не слишком высокая, но мало кто горевал по этому поводу. «Бабулек нужно баловать, но не забывать про уважение. То же самое и с дедульками, только этим нельзя сильно доверять, уж больно они шустрые», — советовала Лупита Фариас, толстуха с лицом как у ольмекской¹ статуи, начальница над всеми убор-

---

¹ *Ольмеки* — доацтекское племя, создатели первой крупной цивилизации на территории Мексики; оставили после себя много каменных голов.

щиками. Поскольку Лупита проработала в Ларк-Хаус тридцать два года и имела доступ в жилые помещения, она близко знала каждого постояльца, понимала, чем они живут, угадывала их недомогания и сопровождала в скорбях.

— И обрати внимание на депрессию, Ирина. Здесь это случается сплошь и рядом. Если заметишь, что кто-то замыкается в себе, ходит унылый, без причины лежит в постели или перестает есть, скорее беги ко мне, ясно?

— И что ты делаешь в таких случаях?

— По-разному бывает. Я их глажу — за это они всегда благодарны, потому что к старикам никто не прикасается, а еще я ловлю их на крючок телесериалов — никто не хочет умереть, не досмотрев до конца. Некоторые находят утешение в молитве, но здесь много атеистов, эти не молятся. Самое важное — не оставлять их в одиночестве. Если меня не окажется рядом, предупреждай Кэти — она знает, что делать.

Доктор Кэтрин Хоуп, постоянлица второго уровня, первая приветствовала Ирину от имени всей общины. В свои шестьдесят восемь лет она была здесь самой молодой. Оказавшись в кресле-каталке, она выбрала помощь и общество людей из Ларк-Хаус и жила здесь уже два года. За это время Кэти сделалась душой пансиона.

— Пожилые — самые интересные люди в мире. Они давно живут на свете, и им наплевать на чужое мнение. Здесь ты скучать не будешь, — сказала Кэти. — Наши постояльцы — люди образованные, и, если здоровье позволяет, они продолжают учиться и экспериментировать. В этой общине у всех есть стимул и возможность избежать страшнейшего бича старости — одиночества.

Ирина уже была наслышана о прогрессивных устремлениях обитателей Ларк-Хаус, потому что об этом месте не раз рассказывали в новостях. Очередь, чтобы попасть в пансион, была многолетняя; она была бы еще длиннее, если бы многие кандидаты не умирали в процессе ожидания. Здешние старики служили убедительным доказательством, что возраст — при понятных ограничениях — не мешает развлекаться и вертеться в колесе жизни. Некоторые из них, активные члены движения «Пожилые люди за мир», по пятницам с утра выходили на улицу протестовать против ошибок и несправедливостей мироздания, в особенности североамериканского империализма, за который они чувствовали себя ответственными. Активисты, среди которых были дамы в возрасте старше ста лет, собирались на площади перед полицейским участком — со своими палками, ходунками и каталками, потрясая плакатами, осуждая войну или глобальное потепление; водители приветствовали их гудками, прохожие подписывали петиции, которые подсовывали им негодующие прародительницы. Бунтарей не раз показывали по телевидению; полицейские при этом выглядели комично: они пытались разогнать старцев, угрожая пустить слезоточивый газ, но никогда не исполняли обещанного. Ганс Фогт с трепетом указал Ирине на табличку в парке, повешенную в честь девяностосемилетнего музыканта, который погиб смертью храбрых в 2006 году от скоротечного инсульта, стоя под палящим солнцем, — этот музыкант протестовал против войны в Ираке.

Ирина выросла в молдавской деревне, где жили старики и дети. У всех не хватало зубов: у первых — потому что они их потеряли с годами, у вторых — потому что уже выпали молочные. Девушка подумала

о своих бабушке с дедом и, как всегда в последние годы, устыдилась, что покинула их. В Ларк-Хаус ей предоставлялась возможность дать другим старикам то, чего она не дала своим, и с этой мыслью девушка взялась за работу. Вскоре ей удалось завоевать сердца своих подопечных и многих независимых постояльцев первого уровня.

С самого начала внимание Ирины привлекла Альма Беласко. От других женщин она отличалась аристократическими манерами, ее отделяло от людей какое-то магнетическое поле. Лупита Фариас уверяла, что эта женщина не подходит для Ларк-Хаус, что она здесь не задержится и вообще, за ней скоро придет тот же самый шофер, что и доставил ее сюда на «мерседесе». Однако проходили месяцы, но ничего подобного не случалось. Ирина ограничивалась наблюдением за Альмой Беласко, потому что Ганс Фогт велел ей сосредоточиться на постояльцах второго и третьего уровня и не отвлекаться на независимых. Она едва успевала обслуживать своих клиентов (здесь их не называли пациентами) и вникать в тонкости своего нового ремесла. В порядке обучения Ирина должна была ознакомиться с видеозаписями недавних похорон: хоронили еврейку-буддистку и раскаявшегося агностика. А Альма Беласко вообще не обратила бы на нее внимания, если бы обстоятельства вскоре не превратили девушку в самую обсуждаемую фигуру во всей общине.

ФРАНЦУЗ

В Ларк-Хаус, где женщин было подавляющее большинство, Жак Девин считался звездой, единственным кавалером среди всех двадцати восьми постояльцев мужского пола. Его называли французом не оттого, что он родился во Франции, а за его отменную галантность: Девин пропускал дам вперед, придвигал им стул и никогда не ходил с расстегнутой ширинкой, а еще он мог танцевать, несмотря на проблемы со спиной. В свои девяносто он вышагивал прямо благодаря двум тростям и винтам в позвоночнике; у него сохранилось кое-что от роскошной шевелюры, и он умел изящно мухлевать в карты. Француз обладал крепким здоровьем — за исключением хронического артрита, повышенного давления и глухоты, неизбежной для преклонного возраста; здравомыслие в нем тоже присутствовало, но недостаточно, чтобы помнить, ходил ли он на обед, поэтому Жак Девин относился ко второму уровню, где ему предоставлялся необходимый уход. Он прибыл в Ларк-Хаус вместе со своей третьей женой, которая прожила в доме всего три недели, а потом погибла, став жертвой рассеянного мотоциклиста. День француза начинался рано: он принимал душ, одевался

и брился с помощью гаитянского слуги по имени Жан-Даниэль, пересекал площадь, опираясь на трость и внимательно следя за мотоциклистами, и усаживался в «Старбаксе», чтобы выпить первую из пяти своих ежедневных чашек кофе. Жак Девин был однажды разведен, дважды вдовец и никогда не испытывал недостатка в возлюбленных, которых он соблазнял с помощью цирковых фокусов. Не так давно француз подсчитал, что за свою жизнь влюблялся шестьдесят семь раз; он записал это число в книжечку, чтобы не забыть, поскольку лица и имена этих счастливиц стирались из его памяти. У Жака Девина было несколько официальных детей и еще одно побочное приобретение от женщины, имени которой он не помнил, а кроме того, имелись племянники — неблагодарные существа, считающие дни до его переселения в мир иной и раздела наследства. Поговаривали, что француз обладает немалым состоянием, сколоченным благодаря великой рисковости и малой щепетильности. Сам он без всякого стеснения признавал, что провел некоторое время в тюрьме (откуда вынес пиратские татуировки на руках, стертые впоследствии морщинами, дряблостью и пигментными пятнами) и что изрядно обогатился, спекулируя сбережениями охранников. Несмотря на пристальное внимание нескольких дам из пансионата, оставлявшее мало пространства для любовных маневров, Жак Девин влюбился в Ирину с первого взгляда, когда она шла по коридору с блокнотом в руках, виляя задом. В девушке не было ни капли карибской крови, так что ее мулатская задница являлась чудом природы, как провозгласил француз после своего первого мартини, удивляясь, что никто, кроме него, не обратил внимания на это обстоятель-

ство. Жак Девин провел лучшие годы в торговых поездках между Пуэрто-Рико и Венесуэлой, где и обучился оценивать женщин сзади. Тамошние роскошные ягодицы навсегда запечатлелись на сетчатке его глаз; они мерещились ему повсюду, даже в таком неподходящем месте, как Ларк-Хаус, даже при виде такой щуплой женщины, как Ирина. Стариковская жизнь Девина, в которой не было ни планов, ни амбиций, неожиданно наполнилась этой поздней всепоглощающей любовью, нарушившей его мирное прозябание. Вскрости после знакомства он выразил свой восторг вручением топазового скарабея с бриллиантами, одной из немногих драгоценностей его покойных жен, которую ему удалось спасти от грабежа потомков. Ирина не хотела принимать этот дар, однако ее отказ вознес артериальное давление влюбленного до облаков, и ей самой пришлось целую ночь сидеть с ним в отделении скорой помощи. Жак Девин, соединенный с капельницей, перемежая вздохи с упреками, признавался ей в своей бескорыстной платонической любви. Он желал только ее общества, жаждал услаждать взор ее молодостью и красотой, слушать ее звонкий голос, представлять, что она тоже его любит, хотя бы как дочь. Ирина могла бы любить его и как прадедушку.

Вечером следующего дня, пока Жак Девин смаковал свой ритуальный мартини, Ирина, вернувшись в Ларк-Хаус с покрасневшими глазами и мешками на веках после бессонной ночи, пересказала всю историю Лупите Фариас.

— Ничего нового ты не открыла, дурашка. Мы то и дело застаем наших клиентов в чужих постелях, причем не только стариков, но и бабулек. За неимением мужчин бедняжки вынуждены доволь-

ствоваться тем, что есть. Все на свете нуждаются в компании.

— В случае с мистером Девином, Лупита, речь идет о платонической любви.

— Не знаю, что это такое, но если то, о чем я думаю, не верь ему. У француза в петушок вставлен имплантат, пластиковая сосиска, которая надувается через трубочку, спрятанную в яйцах.

— Что ты мелешь, Лупита! — расхохоталась девушка.

— То, что слышишь. Клянусь тебе! Я сама не видела, но француз предъявлял его Жану-Даниэлю. Эта штука впечатляет.

Добрая женщина, чтобы успокоить Ирину, добавила, что за много лет работы в Ларк-Хаус убедилась: сам по себе возраст никого не делает ни лучше, ни мудрее, а только подчеркивает всегдашние свойства человека.

— Скрыга с годами не делается щедрым, Ирина, он делается еще более скупым. Определенно, Девин всегда был повесой, так что теперь он превратился в старого козла, — закончила она.

Понимая, что брошь со скарабеем вернуть владельцу невозможно, Ирина отнесла ее Гансу Фогту, который уведомил девушку о строжайшем запрете на чаевые и подарки. Правда, запрет не распространялся на имущество, получаемое пансионом от умерших постояльцев, и на нелегальные пожертвования, которые делались, чтобы продвинуть родственника в очереди желающих поселиться в Ларк-Хаус, но сейчас был совсем другой случай. Директор забрал ужасного топазового жука, чтобы, как он сказал, вернуть его законному владельцу, а пока поместил в ящик своего стола.

Неделю спустя Жак Девин передал Ирине 160 долларов двадцатками, и девушка на сей раз обратилась напрямик к Лупите Фариас, стороннице простых решений: она положила деньги обратно в коробку из-под сигар, где кавалер хранил свои сбережения, в уверенности, что он и не вспомнит, что что-то от туда брал и сколько денег у него вообще было. Таким образом Ирина разрешила проблему с чаевыми, но оставалась проблема со странными посланиями, с приглашениями на ужин в дорогие рестораны, с регулярными вызовами в комнату к французу, с бесконечными рассказами о его головокружительных успехах, которых никогда не было, и, наконец, с его предложением руки и сердца. Француз, искушенный соблазнитель, стал как будто снова юн и болезненно-робок и, вместо того чтобы объясниться лично, передал девушке совершенно разборчивое письмо — он напечатал текст на компьютере. В конверт были вложены две страницы, заполненные околичностями, метафорами и повторами, но все это можно было свести к нескольким пунктам: Ирина возродила в Девине энергию и желание жить, он готов предложить ей безбедное существование, например во Флориде, где всегда светит солнце, а когда она овдовеет, ее будущность будет обеспечена. Как ни посмотри на такое предложение, Ирина остается в выигрыше, писал поклонник, поскольку разница в возрасте на ее стороне. Подпись представляла собой кошмарную закорюку. Девушка воздержалась от передачи письма директору, боясь оказаться на улице, и оставила этот документ без ответа в надежде, что он выветрится из памяти у жениха, однако на сей раз краткосрочная память его не подвела. Помолодевший от страсти Жак Девин продолжал отправ-

лять ей послания, с каждым разом все более нетерпеливые, а она всячески его избегала и молилась святой Параскеве, чтобы старик перенес свое внимание на кого-нибудь из дюжины преследовавших его восьмидесятилетних дам.

Ситуация накалялась, скрыть скандал было бы уже невозможно, если бы непредвиденное событие не покончило с Жаком Девинем и попутно с проблемами Ирины. В течение одной недели француз дважды отправлялся куда-то на такси, никак не объясняя свои поездки. В его случае это было необычно, потому что в городе Девину ничего не стоило заблудиться. В обязанности Ирины входило его сопровождать, однако француз ускользал украдкой, ни слова не говоря. Второе путешествие оказалось для него серьезным испытанием: постоялец вернулся в Ларк-Хаус такой потерянный и слабый, что водителю пришлось выносить его из такси на руках и передавать Ирине, точно мешок с грузом.

— Что случилось, мистер Девин? — спросила де-вушка.

— Не знаю, меня здесь не было, — ответил француз.

Осмотрев старичка и удостоверившись, что артериальное давление в норме, дежурный врач посчитал, что нет нужды снова отправлять его в больницу. И прописал постельный режим на два дня. А еще врач уведомил Ганса Фогта, что Девин больше не может оставаться на втором уровне, что пора переводить его на третий, где ему будет обеспечен постоянный уход. На следующий день директор собирался сообщить об этой перемене Девину. Эта обязанность всегда оставляла у него во рту привкус меди,

ведь всем было известно, что третий уровень — это преддверие Парадиза, этаж без возврата. Но Фогта остановил гаитянин Жан-Даниэль: он принес скорбную весть. Слуга обнаружил Жака Девина холодным и окоченевшим, когда пришел помочь ему одеться. Врач предложил провести аутопсию, поскольку при вчерашнем осмотре не обнаружил никаких предвестников близкой смерти, однако Ганс Фогт не разрешил: зачем сеять подозрения по поводу чего-то столь предсказуемого, как кончина девяностолетнего старика? Вскрытие могло бы запятнать беспорочную репутацию Ларк-Хаус. Узнав о случившемся, Ирина долго плакала, потому что, сама того не желая, успела проникнуться нежностью к этому патетическому Ромео, но вместе с тем она почувствовала облегчение оттого, что от него освободилась, и тут же устыдилась этого чувства.

Кончина француза объединила клуб его поклонниц в общем вдовьем горе, однако они не смогли утешиться организацией похорон, поскольку родственники покойного предпочли ограничиться срочной кремацией. О Жаке Девине вскоре бы все позабыли, включая и влюбленных старушек, если бы не буря, разразившаяся по вине его семьи. Вскоре после того, как прах был без лишних кривляний развеян по ветру, так называемые наследники обнаружили, что все имущество старика завещано некоей Ирине Басили. Согласно короткой записке, сопровождавшей завещание, Ирина проявила к Девину нежность на последнем этапе его долгой жизни и поэтому заслуживает получить все. Адвокат Жака Девина пояснил, что его клиент продиктовал ему изменения в завещании по телефону, а потом дважды приезжал в его

офис, чтобы прочитать бумаги и подписать их в присутствии нотариуса, и что он выглядел уверенным в своих действиях. Потомки обвинили администрацию Ларк-Хаус в преступном небрежении к умственному состоянию старца, а эту Ирину Басили — в краже с обдуманным умыслом. Они объявили о своем намерении обжаловать завещание и подать иск на адвоката за некомпетентность, на нотариуса за сообщничество и на Ларк-Хаус за моральный и материальный ущерб. Ганс Фогт принял воинство обделенных родственников со спокойствием и вежливостью, приобретенными за долгие годы директорства, но внутри он кипел от ярости. Он не ожидал подобного предательства от Ирины, которую принимал за безобиднейшее существо, однако человек учится всю жизнь, и доверять нельзя никому. Улучив момент, Фогт потихоньку спросил адвоката, о какой сумме идет речь, и оказалось, что предмет обсуждения — сухие земли в штате Нью-Мексико и акции различных компаний, стоимость которых еще подлежит уточнению. Денег как таковых было немного.

Директор попросил сутки отсрочки, чтобы придумать выход не такой дорогостоящий, как тяжбы, и срочно вызвал к себе Ирину. Он намеревался разгрести помойную яму, не снимая шелковых перчаток. Враждовать с этой шнырой не входило в его планы, однако стоило директору увидеть Ирину, он как с цепи сорвался.

— Как, черт возьми, тебе удалось охмурить старикашку?

— О ком это вы, мистер Фогт?

— Что значит о ком? О французе, конечно! Как это могло произойти прямо у меня под носом?

— Прошу прощения, я вам не говорила, чтобы не беспокоить понапрасну. Я думала, что сама с этим разберусь.

— И прекрасно разобралась! Что я теперь скажу его семье?

— Им незачем это знать, мистер Фогт. Старики, как вам известно, влюбляются, но людей посторонних это шокирует.

— Ты спала с Девином?

— Нет! Как вы могли такое подумать?!

— Тогда я ничего не понимаю. Почему он назначил тебя наследницей всего состояния?

— Что-что?

Ганс Фогт с изумлением осознал, что Ирина Басили не подозревала о намерениях старика и что весть о наследстве для нее полная неожиданность. Директор хотел предупредить, что ей будет нелегко получить хоть что-нибудь, поскольку законные наследники намерены драться за каждый цент, но девушка с ходу выпалила, что не хочет, что это будут нехорошие деньги, которые принесут ей несчастье. Жак Девин был чокнутый, что могут засвидетельствовать все обитатели Ларк-Хаус; лучше договориться обо всем без лишнего шума. Достаточно будет врачебного диагноза о старческом слабоумии. Ирине пришлось повторить свое предложение, чтобы обескураженный директор ее понял.

Никакие меры предосторожности не помогли сохранить скандал в тайне. Все обо всем узнали, и наутро Ирина Басили проснулась самой спорной фигурой в общине: ею восхищались постояльцы, ее осуждали латиноамериканцы и гаитяне, для которых отказ от денег — это грех. «Не плюй в небо, а не то в рот попадет», — произнесла Лупита Фариас, и Ирина

не нашла в родном языке адекватного перевода для этой гавайской премудрости. А директор, растрогавшись от щедрости скромной эмигрантки из страны, которую и на карте-то не разглядишь, принял ее на постоянную ставку: сорок часов в неделю, с жалованьем выше, чем было у ее предшественницы; вдобавок он убедил родственников Жака Девина подарить Ирине две тысячи долларов в знак признательности. Девушка так и не получила этих денег, однако поскольку она не могла себе вообразить такую сумму, то вскоре напрочь о ней позабыла.